

эдвард хаттон

КОММЕНТОРИИ

АТТИЛА

ЦЕНТРОЛИГРАФ

предводитель
гуннов

Nomen est Omen

Эдвард Хаттон

Аттила. Предводитель гуннов

«Центрполиграф»

Хаттон Э.

Аттила. Предводитель гуннов / Э. Хаттон — «Центрполиграф»,
— (Nomen est Omen)

Аттила, предводитель гуннов, был великим полководцем. Армия гуннов никогда не имела обременительных обозов, поскольку все необходимое им на войне безжалостные завоеватели возили на лошадях, остальное добывалось в сражениях. Большинство древних историков считает Аттилу жестоким варваром, всю жизнь стремившимся сокрушить христианский мир. Однако умалять или умалчивать его полководческие заслуги никто из них не решается.

Содержание

Вступление	5
Глава 1	8
Глава 2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Эдвард Хаттон

Аттила. Предводитель гуннов

*Моей ВОЗЛЮБЛЕННОЙ ИТАЛИИ, вместе с которой в этот час
новой опасности мы вновь сражаемся с варварами*

Вступление

Есть народ на далеких просторах Скифии,
К востоку от хладных струй Тауриса.
Страшны они, как полярные медведи,
Грязны их тела под одеждой,
Непокорны их души,
И живут они лишь добычей войны.
Глубокие раны наносят врагам
И хранят верность заветам погибших отцов...

Этими словами Клавдий, поэт времен краха и падения Римской империи, описал гуннов пятого века, то племя Аттилы, к которому немецкий кайзер воззвал перед лицом всего мира, когда послал войска в Китай на подавление Боксерского восстания.¹

«Встречая врага, вы уничтожите его, не уступая ни пяди земли, никого не беря в плен. И пусть любой, кто попадет вам в руки, зависит лишь от вашей милости. Так же как тысячу лет назад гунны под предводительством Аттилы обрели славу непобедимых воинов, с которой и сейчас живут в истории, так и имя Германии должно остаться в Китае, чтобы ни один китаец не посмел бросить косой взгляд на немца».

Эти слова никогда не будут забыты, потому что они претворились в жизнь не только по отношению к китайцам, но и ко всей Европе – от бельгийцев и жителей Северной Европы до истерзанного народа Польши.

Это воспоминание о славе гуннов изумило Европу, но стоит нам вспомнить историю Пруссии, и мы расстанемся со своим удивлением, потому как пруссаки и гунны имеют много общего даже в расовом смысле, а Аттила, или Эцел, как называют его немцы, упоминается и в «Песни о Нибелунгах», и в легендах о народе Пруссии.

Мы мало знаем о гуннах пятого столетия: кто они были, откуда на самом деле пришли и куда удалились, но невозможно отрицать или сомневаться в том, что сегодняшние пруссаки являются их подлинными наследниками². И хотя, по всей видимости, мы должны отказаться от старой теории Гиббона, позаимствованной от Де Куиньи, что этот дикий народ идентичен племени хионгну, чьи зверства остались в истории Китая, мы, по крайней мере, можем утверждать, что он принадлежит к туранской расе³, так же как финны, болгары и мадьяры, вместе

¹ Речь идет о народном восстании в Китае в 1900 г., подавленном объединенными силами европейских держав (включая Россию) во главе с Германией. (Примеч. ред.)

² Гунны – кочевой народ, сложившийся во II–IV вв. в Приуралье из тюркоязычного племени хунну, прикочевавшего во II в. из Центральной Азии, и местных угров и сарматов и давший своим передвижениям на Запад в 70-х гг. IV века толчок к Великому переселению народов. Исчезли как народ после V в. Из современных народов потомками гуннов (смешавшихся с уграми, готами, славянами и другими племенами) считаются венгры. (Примеч. ред.)

³ Туранская раса – выражение, восходящее к лингвистическому термину «туранские языки», пущенному в ход английским лингвистом М. Мюллером в 1840-х гг. и отвергнутому большинством исследователей из-за своей расплывчатости и всеохватности уже к концу XIX в. В эту группу Мюллер включал все народы урало-алтайской, кавказской, индокитайской,

с хорватами и турками. Можем ли мы уверенно считать, что и пруссаки принадлежат к этой семье?

Один из видных исследователей продемонстрировал, что население Пруссии по своему этнологическому происхождению относится к финно-славянам. Он убедительно доказывает, и история поддерживает его точку зрения, что Пруссия в этнологическом плане отличается от тех народов, которыми она ныне правит под тем предлогом, что они составляют с ней единую расу. Схожесть языка может замаскировать эту истину, но не в силах изменить ее, потому что различие носит реальный и неопровержимый характер.

Не желая подчиниться финно-славянам, подлинная Германия все же восприняла присущую им злобу и унаследовала жестокие инстинкты чужаков, подавив свой благородный дух этим железным ярмом. В основе ее союза с Пруссией лежало право меча и крови, скрепленное войной и увенчанное стихией грабежа и разрушения. Эти преступления не уступают преступлениям Аттилы, к которому Пруссия взывает как к своему истинному герою, и теперь, так же как и тогда, у нас есть право верить в божественную Немезиду. Что пользы человеку, если он приобретет весь мир, душу же свою потеряет?

И похоже, что если физически и духовно пруссаки принадлежат к финской расе⁴, то в той же мере они имеют отношение и к туранским племенам, к которым принадлежали и гунны. Этот вывод подтверждается тысячами фактов и событий, которые мы наблюдаем сегодня, как и сотни лет назад.

Во всяком случае, имя Аттилы, которое кайзер Вильгельм II десять лет назад бросил в лицо изумленному миру, было для него столь же свято, как для Франции имена Карла Великого, Жанны д'Арк или Наполеона. И, прославляя гуннов, он унаследовал их образ действий.

И если нас хоть чему-то научили уроки истории, нам остается принять во внимание ниже следующие факты.

Рим постоянно одерживал верх над варварами, но так и не смог полностью сломить их мощь и положить конец нападениям. При встречах с римскими полководцами Аларих неизменно терпел поражения, но наконец овладел Римом. Несмотря на все старания Аэция, Аттила наконец получил возможность угрожать Италии. Велизарий и Нарсис наносили поражения Витиге и Тотиле, и все же эти варвары опустошили полуостров. Несмотря на поражения, атаки постоянно возобновлялись, потому что Рим так и не смог до конца сокрушить мощь варваров. И если мы сегодня не расплатимся с германцами полной мерой, если не сможем довести эту войну до тяжелого, но необходимого конца, то через двадцать или пятьдесят лет они снова нападут на нас и, может, тогда и придет печальный для нас час. *Delenda est Carthago*.⁵

Может, Риму и было не под силу раз и навсегда положить конец наступлению варваров. Но на нашей стороне время. Если сегодня наше мужество и наша стойкость будут достаточно сильны, если мы обречем несокрушимость кремня, то сможем раз и навсегда избавить Европу от этой варварской опасности, которая, как и всегда, угрожает гибелью и разграблением цивилизации и, вызывая к своим богам, не знает ни справедливости, ни жалости.

Рим не смог собраться с силами. Мы сможем. В древние времена варвары смогли сломить первый бастион цивилизации, затем пошли дальше и дальше, пока их не остановил ответный удар. Теперь у них это не получится. Железные дороги и автомобили, телеграф и телефон настолько усилили нашу возможность мобилизации всех сил, что при столкновении варваров с

полинезийской и многих других языковых групп, не имеющих между собой ничего общего. (Примеч. ред.)

⁴ Гордон справедливо считал: «Пруссак – не немцы и не славяне. Они пруссаки. Но необходимо помнить, что они принадлежали к финно-славянской расе, а не к тевтонской (Пруссак – часть немцев, населяющих территорию Пруссии. Это государство возникло на землях древних прусских племен, родственных летто-литовцам. В XIII в. Тевтонский орден завоевал эти земли. Почти все пруссы были истреблены; немногие оставшиеся постепенно слились с захватчиками. (Примеч. ред.)) и до сравнительно недавнего времени были подданными польского короля. Они оставались язычниками долгое время и после того, как вся остальная Германия перешла в христианство». (Примеч. авт.)

⁵ «Карфаген должен быть разрушен». (Примеч. перев.)

цивилизацией мы первым же ударом заставим их отступить. Если мы обречем волю, то сможем раз и навсегда разрушить мощь варваров, которые пытались уничтожить цивилизацию силами не только Алариха и Аттилы, но и стараниями Фридриха Гогенштауфена и Лютера. И, окончательно сломив их, мы сможем снова установить в Европе Pax Romana, а может – кто знает? – давнее единство христианского мира.

Май, 1915 год

Глава 1

Империя и варвары

В начале пятого века нашей эры Римская империя была средоточием не только цивилизации, но и христианства. Те четыре века, что прошли с рождения Спасителя, фактически привели к созданию Европы – но не той мозаики враждебных друг другу народов, что мы видим сегодня, а цельного образования, хранящего в себе все сокровища мира. Здесь родилось и укрепилось, все, что всегда считалось вечными ценностями, – культура, цивилизация и вера, которая доставляет нам радость и ради которой мы живем. Здесь утвердились высокие принципы развития нашего искусства, которое при всех переменах продолжает жить. Здесь утвердилось превосходство той идеи, которая вечно будет обновлять наше существование, нашу культуру, наше государственное устройство; в соответствии с ней мы формируем наши оценки, не опасаясь ни революций, ни поражений, ни краха. Мы европейцы, и наши души безоговорочно принадлежат лишь нам; мы единственные в мире, кто развивается, переходя из одного состояния в другое; мы никогда не умираем, поскольку с нами христианство.

Внешняя и видимая черта империи, известная всему окружающему миру, заключалась в том, что, будучи островом в море неизвестности, она воплощала в себе понятие *Pax Romana*, которое руководило и политикой, и внутренней жизнью империи. Оно обеспечивало полный и абсолютный порядок, условия развития цивилизации и, пронесенное через много поколений, казалось непреложным и несокрушимым. Вместе с ним существовала концепция закона и собственности, куда более фундаментальная, чем та, что мы знаем сегодня, при которой свободный обмен обеспечивали развитая система коммуникаций и прекрасные дороги. И вряд ли в нашей жизни и политике есть понятия и законы, которые не были созданы в те времена. Именно тогда родилась наша религия, которая стала душой Европы и мало-помалу превратилась в ту энергию, что легла в основу бессмертного принципа жизни и свободы, который в правильном понимании и является Европой. Именно тогда были осознаны наши идеи справедливости, наши представления о законах, наша концепция человеческого достоинства и структуры общества, обладавшие такой силой убедительности, что, пока мы будем придерживаться их, они никогда не умрут. Строго говоря, империя, которая формировалась более тысячи лет, представляла собой самый успешный и, может быть, самый плодотворный эксперимент по созданию всеобщего правительства из всех, которые когда-либо предпринимались.

И тем не менее империя пала. Почему?

Мы не можем ответить на этот вопрос. Причины этого краха, духовного и материального, большей частью скрыты от нас во тьме, которая последовала за катастрофой, едва не погубившей всю западную цивилизацию. Все, что мы можем сделать, – это отметить, что управление этим огромным государством было столь дорогим, что, когда Аларих в 401 году перешел через Альпы, оно, скорее всего, уже обанкротилось. Соответственно, уменьшалась и численность населения. Что же касается чисто военных проблем, возникших перед Европой, то защита ее границ против сокрушительного удара варварства стоила столько, что при тогдашнем состоянии экономики ее было невозможно обеспечить. И наконец, необходимо твердо понять: да, империя развалилась и пала, но варвары не одержали над ней верх. И хотя вторжение варваров было ужасающим по своей разрушительности, мы должны понимать, что, как уже говорилось, оно было лишь одной из причин поражения империи и при этом не главной; кроме незащитности границ, перед империей возникли проблемы, которых она, увы, не могла решить.

На западе империю ограничивал океан, с юга – пустыни Африки, на востоке лежали Каспийское море и Персидский залив, с севера ее границы пролегали по Рейну и Дунаю, по Черному морю и Кавказскому хребту.

Особенной слабостью отличалась северная граница, и ее состояние, по крайней мере с середины третьего столетия, постоянно занимало умы римской администрации. Как удерживать ее?

За этой границей лежал практически неведомый мир, где существовали беспокойные и воинственные варварские племена; они то и дело воевали, постоянно осаждали границы цивилизации, за которыми лежали и наше существование, и надежды всего мира. Тогда, как и сейчас, они нуждались в защите от того же врага – от варварства. Потому что оно не стало менее варварским, даже обретя какие-то знания. Дикарь остается дикарем даже в профессорском одеянии. Именно по этому поводу написано: меняй свое сердце, а не свои покровы.

Таким образом, защита своих границ была главной проблемой империи, вероятно, с времен ее основания Августом и конечно же все двести лет перед тем, как Аларих перевалил через Альпы. Ее пытались решать самыми разными путями, и в 292 году Диоклетиан предложил революционную схему раздела империи. Но разделение, которое он провел, стало – и, скорее всего, этого нельзя было избежать, – скорее расовым, чем стратегическим. Две части империи оказались разьединенными критической чертой, проходящей по Дунаю, и в силу географии восточная часть империи оказалась в поле зрения Азии, которой отнюдь не мешал Дунай, хотя западная часть оставалась достаточно сильна, чтобы уверенно держаться за надежной защитой двух рек, Рейна и Дуная. Во всяком случае, Запад предпринял героическую попытку выполнить эту свою столь тягостную обязанность. Пастырская столица Италии была перемещена из Рима в Милан. Это решительное действие носило чисто стратегический характер. Совершенно правильно предполагалось, что из Милана, который держал в руках все перевалы через Альпы, границу удастся защищать надежнее, чем из Рима, расположенного в самой середине протяженного итальянского полуострова. Такое перемещение было более удивительным, чем мог быть перенос столицы Британской империи из Лондона, скажем, в Эдинбург. Но и этого было мало. В 330 году, через семнадцать лет после того, как христианство стало официальной религией, Константин Великий, руководствуясь теми же соображениями обороны, перенес столицу империи в Византию, в новый Рим на Босфоре, который был переименован в Константинополь.

Этот перенос, который был решительно осужден, как выяснилось, исходил из совершенно правильного предположения о грядущем развитии событий. Перед лицом, скорее всего, неизбежного разгрома он должен был спасти то, что еще можно было спасти. До 1453 года Константинополь оставался надежной и безопасной столицей восточного государства и римской цивилизации; он держался и в критических ситуациях не раз спасал цитадель Запада – Италию.

Но пусть даже ничто не могло обеспечить безопасность Запада – но основание Константинополя, вне всякого сомнения, спасло Восток. Хотя Запад становился все богаче и все слабее, имя Рима было известно по всему миру, и Западу, как мы знаем, приходилось принимать на себя весь напор натиска варваров. Этот напор был куда более сокрушительным и разорительным, чем мы привыкли считать. Запад был скорее затоплен им, чем потерпел поражение. По прошествии времени он просто утонул в море варварства. Оно вздымалось и росло; и за все, что у нас есть, мы должны благодарить основание Константинополя и католическую церковь.

Я сказал, что империя была скорее затоплена, чем сломлена. Давайте подумаем.

К 375 году границы были в безопасности; никогда еще не удавалось прорвать оборону. Задолго до этого стало ясно, что если ничего не предпринять, то огромные орды варваров, скопившиеся за Рейном и Дунаем, не удастся отбросить назад. Если они появятся, их придется встречать не перед границами, не на самих реках, но в пределах самой империи. Если что-то заставит их сняться с места.

...Что и произошло в 375 году. Аммиан Марцеллин, римский историк того времени, описывая вторжение варваров, утверждает, что все беды, павшие на империю, исходили лишь от одного народа – гуннов. В 375 году гунны наконец сокрушили готов, которые в 376 году в

полном отчаянии обратились за защитой к императору Восточной Римской империи Валенту. «Необозримое множество этого воинственного народа, – читаем мы о готах, – чья гордость была повержена во прах, на много миль покрывало пространство по берегам Дуная. С простертыми руками и слезными сетованиями они громко жаловались на постигшие их бедствия и поджидаящую опасность; они признавали, что их единственная надежда на спасение зависит от милости римского правительства, и самым торжественным образом заверяли, что, если несказанная милость императора позволит им осесть на юго-восточных землях, они свято обещают подчиняться римским законам и берут на себя нерушимую обязанность охранять пределы государства». Их мольбы были удовлетворены, и правительство империи приняло их на службу. Через Дунай их переправили в Римскую империю. В некотором смысле это решение и эта дата – 376 год – вошли в число самых решающих событий в истории Европы.

Недисциплинированный и беспокойный, этот почти миллионный народ внезапно появился в цивилизованном мире, доставляя ему постоянное беспокойство и неся с собой опасность. Не обращая внимания на законы, которые они поклялись соблюдать, пренебрегая обязательствами и не пользуясь преимуществами цивилизации, готы оказались во власти своих хозяев, которые безжалостно эксплуатировали их. И наконец, дойдя до предела, они восстали и через провинцию Мёзия двинулись в поход – не как гости империи, но как ее смертельно опасные враги. Осадив Адрианополь, они встали лагерем под его стенами, грабя и опустошая окрестности. Так продолжалось, пока на трон империи не взошел Феодосий, с которым у них прошли успешные переговоры, так что, вынужденные подчиниться, они осели в Малой Азии.

Такое положение дел не могло длиться долго. Варвары всего лишь ждали вождя, и он после смерти Феодосия появился в лице Алариха. Они пошли на Константинополь и сумели добраться до него – но не заключить в кольцо блокады. В 396 году Аларих двинулся на юг, в Грецию, пройдя победным маршем от Фермопил до Спарты и обойдя стороной Афины, – скорее из суеверия, чем из страха перед опасным врагом. Примерно в начале 396 года Стилихон, который позднее прославится в итальянской кампании, отплыл из Италии, встретил Алариха в Аркадии, отбросил его и был готов заключить пленника в тюрьму на Пелопоннесе. Ему, однако, не повезло. Аларих смог уйти. Стремительным маршем он вышел к Коринфскому заливу и переправил свои войска, пленников и награбленную добычу на другой берег. Здесь он провел успешные переговоры с Константинополем, согласился платить ему дань и был назначен верховным правителем Восточной Иллирии. Она пала в 399 году.

Действия Стилихона, которые все же можно было считать успешными, доказали между прочим, что политическое разделение Востока и Запада стало фактом. Экспедиция Стилихона с его армией стала вторжением Запада для спасения Востока, потому что опасность угрожала именно ему. Но Запад был предан.

Восток сговорился с варварами и использовал их. Это вынудило Запад задуматься о своей судьбе, поскольку не подлежало сомнению, что, спасаясь, Восток в конечном итоге принесет Запад в жертву.

Запад был готов к такому развитию событий. Была подготовлена схема обороны, и, как мы впоследствии убедимся, в данных обстоятельствах она оказалась лучшей из всех возможных. С римской прямоотой и ясностью советники Гонория, обитавшего тогда в Милане, решили все принести в жертву ради обороны цитадели Европы, то есть Италии; кроме того, учитывая позиции Алариха в Иллирии, ей угрожала наибольшая опасность. Если она падет, то несомненно должен будет рухнуть весь Запад.

Проблема, которая возникла перед советниками Гонория, была не из легких. Чтобы убедительно разрешить ее, необходимо было пойти на большие жертвы – лишь в таком случае удавалось спасти мир. Было принято решение отойти и от Рейна и Дуная, потому что Аларих уже форсировал их. Было решено – и это был смелый шаг – отойти от Альп, сделав полем сражения

Цизальпинскую Галлию или, как принято говорить, Ломбардскую долину, и оборонять Италию в районе Апеннин. Данная реалистичная политика увенчалась блистательным успехом.

Военачальники Гонория считали Апеннины непроходимыми, за исключением одного места – узкого прохода между горами и Адриатическим морем, для обороны которого давно уже была приспособлена Равенна. Их намерение стоять на этой линии обороны объяснялось не только с точки зрения теории, но и тем, что они всерьез сомневались в Восточной империи. Их стратегия включала в себя отступление из древних богатейших провинций к югу от Альп. Если бы их военная теория, считающая Апеннины непроходимыми, оказалась права, то тем было бы обеспечено немедленное и уверенное спасение Запада, а это, в конечном итоге, привело бы к спасению в целом.

Гонорию и его советникам не пришлось долго ждать. Разграбив европейские провинции в пределах Восточной империи, Аларих, «вождея мощи, красоты и богатства Италии... втайне лелеял надежду водрузить готские знамена на стенах Рима и вознаградить свою армию сокровищами, накопленными за сотни триумфов».

В ноябре 401 года Аларих вторгся в Северо-Восточную Италию и миновал Аквилею, не захватив ее. Его влекли богатства юга. Узнав о его приближении, Гонорий перебрался из Милана в Равенну; ворота в Италию были закрыты. Тем временем через Цизальпинскую долину подоспел Стилихон и у Поллентии встретил Алариха, когда тот уже перешел реку По, и нанес ему поражение. В ходе преследования он настиг Алариха у Асты, что заставило того вернуться за Альпы. В 403 году Аларих вновь вторгся в Венецию. Стилихон встретил его у Вероны и еще раз отбросил. Ворота Италии остались закрытыми.

Впервые угрожающе близко подошел к ним не Аларих, а другой варвар, Радагайс. В 405 году он прошел тем же перевалом, которым пользовался Аларих, миновал Аквилею, пересек По и, не воспользовавшись дорогой Виа Эмилия, которая вела прямо через перевал, прикрытый Равенной, все же рискнул перевалить через Апеннины, которые римские генералы считали непроходимыми для армии варваров. Они оказались правы. Когда оголодавшие орды Радагайса вышли к югу, они были на пределе сил. Стилихон встретил их у Фьезоле и разгромил. Но остаткам этой армии, как и Алариху, удалось бегством спастись от полного уничтожения; они вернулись через Цизальпинскую Галлию и разграбили ее. В 408 году Стилихон был убит в Равенне по приказу императора.

Это злодеяние стало причиной последовавших вслед за тем событий. Когда в 408 году Аларих снова вторгся в район Венеции, он грабил и разрушал все, что заблагорассудится, ибо не было никого, кто мог ему противостоять. Он вышел к большой дороге, ведущей на юг, и убедился, что ворота открыты. Не встретив сопротивления, он прошел Равенну, маршем двинулся к Риму и после трех попыток осады все же вошел в город, разграбил его и двинулся к югу, чтобы разграбить его и Сицилию. Когда в 410 году он умер в Косенце, в его обозе была взятая в плен Плацидия, сестра императора. Шурина Алариха Атаульф, которого готы после торжественных похорон его предшественника подняли на щиты, провозгласив своим королем, заключил мир с Гонорием – точно такой же, какой несколько лет назад Аларих заключил с Константинополем. Он был принят на службу империи, дал согласие уйти за Альпы и получил руку Плации, сестры императора, что стало прецедентом для куда более дерзких требований. Пока было обеспечено отступление варваров и мир в Италии был восстановлен. Он длился примерно сорок два года.

Интересно убедиться в сходстве нападений Алариха на Восток и на Запад. Единственная разница между ними заключалась в том, что Константинополь не подвергался настоящей угрозе, в то время как Рим был захвачен и разграблен. Цель обоих вторжений была одна и та же – добыча; идентичен был и результат в обоих случаях – взимание дани и прием на имперскую службу в обмен на немедленный уход варваров из захваченных провинций.

Неудачи империи на востоке и западе обуславливались крахом морали и политики; не надо считать их военными неудачами: стоило Алариху напасть, как он всегда терпел поражение. Запад не смог перейти в наступление, и это в конечном итоге привело к падению Рима. Наверное, императорские советники посчитали, что успешно решили проблему, когда после смерти Алариха добились возвращения варваров за Альпы – а те с радостью отступили, как им было приказано, потому что ощущали себя в ловушке, – и обеспечили их нейтралитет, приняв на службу империи, но последовавший за этим мир, который длился чуть дольше жизни одного поколения, оказался непрочным и иллюзорным.

Империя в целом получила от Алариха тяжелый удар, от которого так и не смогла полностью оправиться. Правда, многое, что случилось сразу же после ухода Атаульфа, сложилось как нельзя лучше. Плацидия, сперва военная добыча, затем невеста, позже сбежавшая вдова наследника Алариха, с триумфом вернулась в Равенну. Там она против своего желания стала невестой спасшего ее Константина. Благодаря ее влиянию, когда после смерти Гонория, возложив на себя титул Августа, она правила в Равенне как опекунша сына, юного Цезаря Валентиниана, установилось новое, пусть и слабое, «сердечное согласие». Италия вернулась к процветанию, а служивший Плации Аэций стал таким же крупным военачальником, как и великий Стилихон. Хотя Италия была спасена, другим провинциям угрожала опасность, и она сама видела, как Бонифаций предал Африку, которая была отдана на разграбление вандалам под командой Гензериха. Ни спокойствие, царящее в границах ее владений, ни жизнь двора не могли дать ей уверенности в будущем. Если ее сын Валентиниан был просто глупым и чувствительным юношей, то дочь Гонория была поймана на грязной интрижке с дворцовым управляющим и, отосланная в ссылку в Константинополь, мечтала о романтической судьбе своей матери и о том, чтобы заключить брак с новым молодым властителем гуннов, который скоро обретет известность под именем Аттила, – нужно было только дать ему понять, чтобы он похитил ее, как гот Атаульф похитил Плацидию.

Таково было положение дел в западных владениях. Не лучше были дела и в Константинополе. Феодосий, прозванный Каллиграфом, был не столько государственным мужем, сколько любителем изящных искусств. Его окружение состояло из мелких бездарностей, занятых не безопасностью государства, а выяснением теологических противоречий; всем им была свойственна циничная продажность, в которой тонуло всякое понятие о благородстве. Никто ни на Востоке, ни на Западе не был в состоянии уловить и понять близящуюся опасность. Неужели у правительства империи полностью отсутствовало понимание того, что означают наступления готов, нападения вандалов? Неужели они были не в состоянии вспомнить, что находится за Рейном и Дунаем? Неужели они забыли о гуннах?

Глава 2

Гунны и Аттила

Народ, именуемый гуннами, который «почти не упоминается в других письменных сообщениях», был описан Аммианом Марцеллином в тридцать первой книге его «Истории Рима». Аммиан жил в конце четвертого столетия и был римским историком, родившимся в Антиохии от греческих родителей. Приняв участие в войнах в Галлии, Германии и на Востоке, он осел в Риме и занялся историей. Гуннов он описывал как народ, «живущий между Азовским морем и границами Замерзшего океана». И добавлял, что «дикость этого народа не имеет себе равных». Затем он дает им подробное описание:

«В раннем детстве им на щеки наносят глубокие шрамы⁶, и когда приходит время отращивать бороды, то на месте множества шрамов волосы не растут и посему они до старости остаются безбородыми, как евнухи. В то же время у них сильные конечности и крепкие шеи; их отличает могучее телосложение, но они настолько коротконоги, что их можно представить в виде двуногих животных или решить, что их фигуры грубо вырублены топором.

Пусть даже они похожи на людей (хотя очень уродливы), но столь далеки от цивилизации, что не пользуются ни огнем, ни приготовленной пищей, а существуют за счет корней, которые находят в полях, или сырого мяса различных животных, которое просто слегка согревают, кладя на спины своих коней и садясь на него.

Они не живут под крышами домов, считая их могилами, и входят туда только по необходимости. У них почти не бывает даже хижин, крытых тростником; они скитаются по горам и лесам, с детства привыкая к тяжелейшим условиям холода, жажды и голода.

Они носят одежду из льна или из сшитых шкур полевых мышей, пользуясь ею и у себя на родине, и за ее пределами. Стоит ему надеть такую рубаху, и он никогда ее не меняет, пока она не истлеет и не распадется на куски. Головы они покрывают круглыми шапками, а волосатые ноги – козьими шкурами, и обувь, которую они носят не снимая, так неуклюжа, что мешает им при ходьбе.

В силу этого гунны не годятся для пешего строя; но с другой стороны, они представляют единое целое со своими конями, некрасивыми, но выносливыми; часто они сидят на них боком, как женщины. Говоря прямо, они могут не слезать с них круглые сутки; сидя верхом, они покупают и продают, едят и пьют, а склонившись к короткой шее своего коня, даже спят и дремлют. Сидя верхом, они спорят и совещаются. Они не признают власти короля, но подчиняются своим выбранным вождям.

Атакуя, они порой вступают в бой многочисленным сомкнутым строем, издавая разнообразные жуткие вопли. Тем не менее куда чаще они дерутся каждый сам по себе, внезапно рассыпаясь, собираются снова и, нанеся врагу страшные потери, рассеиваются в разные стороны, избегая штурма укрепленных мест и бастioned. Следует признать, что они выдающиеся воины...

Никто из них никогда не пахал и даже не брался за ручки плуга, потому что они терпеть не могут оседлую жизнь и, подобно бездомным бродягам, странствуют со своими кибитками, которые и являются их жилищами. Похоже, они находятся в непрестанном движении... Никто из них не в состоянии ответить на вопрос, где он рожден; ибо зачинали его в одном месте, появился на свет далеко от него и рос в еще более дальних местах.

⁶ Прусские студенты и сегодня известны тем, что носят на лице шрамы, полученные во время дуэлей в университетах. (Примеч. авт.)

Они склонны к предательству и непостоянству и, подобно диким животным, совершенно не понимают разницы между добром и злом. Выражаются они с трудом и непонятно, не испытывают уважения ни к одной из религий или культов, с чрезмерной алчностью относятся к золоту и столь непостоянны и сварливы, что много раз в течение дня без всякого повода затевают ссоры со своими товарищами и отказываются мириться».

Таков был народ, который, по Аммиану, являлся «истинной причиной многообразных бед и несчастий», обрушившихся на Римскую империю в пятом веке нашей эры.

За шестьдесят пять лет до того, как они стали представлять прямую угрозу цивилизации и Римской империи, то есть в 376 году, в ходе первого известного натиска на границы римского мира они погнали перед собой готов. Сами же, пусть и были законченными варварами, не решились на прямое нападение на нашу цивилизацию, хотя в 396 году пересекли Кавказ, рейдом прошли через Армению и, как упоминает Клавдий, «опустошили плодородные поля Сирии». Тем не менее в 409 году Аларих, нацелившись на Италию, пересек Дунай и вторгся в Болгарию. Ульдин, их вождь, со свойственным варварам хвастовством заявлял: «Еще до захода солнца я завоюю все, что пожелаю».

В первый раз варвары громогласно и уверенно заявили о «своем месте под солнцем» – кому бы оно ни принадлежало. Хвастливое заявление Ульдина было лишь прелюдией к его взлету и падению. В столпотворении народов не столь варварских, как он, вестготам, вандалам, аланам и гуннам фактически не оставалось ничего иного, как выдавить готов. Когда они вторглись в империю, в Галлию, Испанию и Африку, он, наихудший из всех, наконец получил свободу угрожать христианству и его столицам – Константинополю и Риму.

Но лишь когда два брата Аттила и Бледа в 423 году воссели на трон гуннов – если его вообще можно так называть, – именно гунны сделались прямой и непосредственной опасностью для цивилизации.

Она уже была наполовину разрушена, растерзанная и истекающая кровью от ран, которые наносили постоянные вторжения варваров к югу от Дуная и Рейна, когда они доходили едва ли не до сердца империи, до Константинополя, когда стояли под стенами Рима и ему грозила опасность вторжения дикарских языческих орд, полных желания убивать и насиловать, грабить и разрушать.

Контраст между этими двумя нападениями, Алариха, а теперь Аттилы, был разителен. Можно было восхищаться и даже защищать Алариха, и многие историки делали и то и другое. Аттила со свирепостью дикого зверя напал на империю и христианство. И если готы считались христианами – пусть и арианами, то гунны были закоренелыми язычниками. По крайней мере, Аларих уважал звание римлянина и готов был принять его; Аттила же презирал его, ненавидел и хотел стереть Рим с лица земли. Если и есть хоть какое-то различие в морали готов и гуннов, нападавших на империю, то в военном плане они полностью схожи – и те и другие сначала двинулись на Восток и повернули на Запад после того, как потерпели поражение. Набеги Алариха, пусть и разрушительные, были далеко не столь опасны, как действия Аттилы. Империя подверглась нападению убийц.

Римская система отношения к варварам была создана в давние времена, когда на восточный трон взошел Феодосий II. Она включала в себя не только использование варваров как союзников – Ульдин и его гунны под командованием Стилихона сражались против Радагайса в битве при Фьезоле, – но и натравливание друг на друга различных варварских племен и народностей. В этом смысле империя уделяла особое внимание гуннам. Стилихон отлично знал их, а Аэций, который в конечном итоге и нанес им поражение на Каталаунских полях, возможно, был обязан им жизнью в том критическом положении, которое сложилось после смерти его соперника Бонифация в 433 году. Но такая политика всегда несла в себе опасность, и по мере того, как неизбежнее становилась, она все отчетливее вела к краху. Когда в провинциях были рассеяны готы, вандалы, аланы и другие племена, империи на ее северных границах пришлось

встретиться с подлинной силой, которая и расправилась со своими предшественниками. Мы видим, что в 432 году вождь гуннов Роас ежегодно получал 350 фунтов золота, что было практически неотличимо от дани. Возможно, именно он и положил конец старой римской политике. Когда империя, следуя своим обычаям, заключила союзы с некоторыми варварскими племенами, его соседями, Роас объявил их своими вассалами и тут же поклялся не обращать внимания на любые договоры, пока император не разорвет эти союзы. Более того, он потребовал, чтобы все эти его вассалы, которые оказались в пределах империи – они поступали на службу к римлянам, чтобы избежать его жестокого правления, – вернулись под его эгиду. В этом требовании невозможно было ни отказать, ни пропустить его мимо ушей. В 433 году Феодосий был уже готов направить посольство для заключения договора с Роасом, но тут до него дошел слух, что Роас мертв и ему унаследовали двое его юных племянников, Аттила и Бледа. Именно они и приняли римских посланников.

Встреча состоялась в пределах империи, на правом берегу Дуная, неподалеку от города Маргуса (или Маргума) в Мёзии, где сливаются Дунай и Морава. Это место знаменито тем, что именно здесь Диоклетиан нанес поражение Каринусу.

Византийский историк Приск Франкянин оставил нам отчет об этой странной встрече. Гунны явились на нее верхом, и, поскольку отказались спешиваться, римские послы тоже остались в седлах. В таком положении они и выслушали надменные требования гуннских вождей: разрыв договора Феодосия с варварами на Дунае, изгнание всех гуннов, служивших в императорских армиях или осевших в пределах империи, отказ от помощи любому варварскому племени, воюющему с гуннами, выплаты дани со стороны Империи в размере семисот фунтов золота вместо нынешних трехсот пятидесяти. Послам пришлось согласиться на все эти требования, поскольку Аттила заявил: или они их принимают, или – война, а Феодосий был готов смириться с любым унижением, лишь бы не воевать. Знаменитая встреча у Маргуса увенчалась полной победой гуннов, которую Аттила никогда не забывал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.